

А. А. КИРЕЕВ

**Разбор энциклики папы Льва XIII *
«Praeclara gratulationis testimonia»**

20 июня 1895 г.

Энциклика «Praeclara gratulationis» принадлежит к числу наиболее интересных энциклик, когда либо написанных «наследниками Петра». Написана она очень умно, очень сильно, — но вместе с тем и очень мягко, даже вкрадчиво; про нее можно вполне сказать: «Suaviter in modo — fortiter in re!»¹ Она составлена с таким тонким искусством, что сразу и не разберешь всего того, что скрыто под цветами римского красноречия, не заметишь, какие под ними тяжелые цепи!

Папа обращается ко всему христианству, ко всему человечеству — «яко власть имеющий», как подобает непогрешимому главе Церкви. «Мы занимаем на земле место Бога всемогущего, — говорит он, — того всемогущего Бога, который хочет всем спастися и в разум истины прийти». Он обращается не только к своим римскокатоликам, но и ко всем остальным христианам, и к православным, и к протестантам (англикан он, вероятно, причисляет к протестантам). Он всех призывает «к единству в божественной вере» и сулит за это всякие блага, великие и богатые милости.

Читая эти гордые строки энциклики, подумаешь, что они написаны каким-нибудь Григорием VII или Иннокентием III, что папа и теперь столь же могуществен, как в Средние века, что он и теперь по произволу располагает престолами, что и теперь одного его слова достаточно для того, чтобы поднять Европу на врагов имени Христова! Вместе с тем послание Льва XIII как бы дышит миролюбием и безграничной

* Статья эта входит в брошюру, озаглавленную «Энциклика Льва XIII о соединении Церквей». 1895. Петербург [Эта статьи печатана А. А-чем и на французском языке в «Revue internat. de Théologie» 1895 г. (Novikoff Olga. Le général Alexandre Kiréeff et l'ancien-catholicisme. Berne 1911 г., стр. 68–73)].

любовью ко всему человечеству; даже и для нас, «схизматиков и еретиков», и для нас находятся у святейшего отца лишь слова любви и снисходительности; он только и заботится о нашем благе, ни о чем другом и не думает! И все обещаемые нам благодеяния и щедроты он дает нам даром, или чуть не даром: по-видимому, за все обещаемое он не требует от нас ничего нового, ничего трудного, — стоит де возвратиться лишь к прежним, к стародавним порядкам, лишь к прежнему положению дел, больше ничего, — и мы счастливы!

Не о себе, не о своих выгодах заботится папа, он лишь исполняет свой долг. «Так как мы занимаем на земле место Бога всемогущего и видим приближение нашего конца, — говорит он, — то, по примеру Спасителя, пред Своим возвращением к Отцу, просившего Его “да будут все едино”, и мы призываем всех людей без различия национальности и племени *к единству божественной веры*». Но времени у папы немного, нужно спешить, и он нетерпеливо обращается к Спасителю и как бы торопит Его: «И Ты, Иисусе Христе, — говорит папа, — поспеши исполнить данное Тобою обещание привлечь к Себе и все и вся, сойди же и покажись этой бесчисленной толпе... подвинь же сидящих во тьме!».

И вот «наместник всемогущего Бога на земле» обращается к нам, бедным восточным христианам, пребывающим во тьме, и расточает нам похвалы и обещания: «Восток, — говорит он, — колыбель спасения человеческого рода, на Востоке — находятся Церкви, знаменитые верой своих пра-отцов, своей древней славой. А сколько для вас величия и сколько славы впереди, если вы соединитесь со мною, с преемником Петра; да это и нетрудно, прибавляет он вкрадчиво, и вот начинаются объяснения, доказывающие, как все это легко. Ведь граница между нами, — уверяет папа, — не особенно и определена. За исключением лишь некоторых пунктов, согласие между нами до такой степени полно, что для защиты католической веры мы, католики, зачастую заимствуем наши аргументы в вашем «восточном учении, в ваших нравах и обрядах! Главный пункт различия — *приматство* римского первосвященника!» Тут начинается отвод глаз: и папа Лев XIII вполне обрисовывается как хитрый дипломат и тонкий политик. В то время как его наивный и ограниченный предместник Пий IX кстати и некстати повторял, что он непогрешим, утверждал, что непогрешимость его распространяется даже и на чисто административные дела, умный Лев XIII не только не носится с своей непогрешимостью, не только не повторяет, как Пий IX, «*la chiesa son io*» (Церковь — это я!), но тщательно избегает и напоминать о своей непогрешимости, заменяет слово непогрешимость другим, более мягким, неопределенным — таким, которое могло бы быть

употреблено для выражения лишь высокой власти, могущества, которое бы не вызывало тяжелых воспоминаний о Ватиканском соборе, — он говорит о «приматстве». Это умолчание о догмате непогрешимости даже в римско-католических учебниках явление очень интересное. Установив свое право на непогрешимость, обосновав ее, так сказать, документально, папы и вообще римско-католические ученые положили его, до времени, под спуд. Они стараются не показывать ее во всем ее блеске; нужно, думают они (и не без основания), постепенно приучить римско-католический мир к новому учению, нужно ввести его в сознание человечества под разными уже знакомыми ему наименованиями главенства, первенства и т. п., лишь постепенно усиливая их значение; лишь впоследствии можно будет раскрыть его вполне. С нами, христианами Востока, подобная осторожность еще более необходима, и действительно, во всей энциклике о догмате 1870 года и не упоминается. Повторяются всем известные аргументы, выводимые из слов Иисуса Христа, обращенных к апостолу Петру: «Ты еси Петр» и пр... причем, конечно, умалчивается о том неопровержимом факте, что апостол Петр *прежде*, нежели прибыть в Рим, в продолжение семи лет управлял Антиохийской Церковью. (Очевидно, что если бы права римского папы были основаны лишь на наследии Петра, то права эти в гораздо большей степени принадлежали бы патриархам Антиохии, нежели патриархам Рима.) Затем указывается на посылку папой Николаем I своих легатов в Константинополь для исследования дела между Фотием и Игнатием, указывается на Лионский и Флорентийский соборы, окончательно будто бы решившие все спорные вопросы.

Известна цена этих доводов; они были много раз разобраны и много раз опровергнуты*. Что касается до двух соборов, на которые указывает папа, то ведь всем известно, что в конце концов они были приняты лишь под давлением императоров и что православный народ

* Желающим ближе познакомиться с действительным значением трех известных текстов, на которых римские католики основывают папскую непогрешимость, и постепенным извращением их смысла можно рекомендовать замечательную монографию проф. Лангена [Das vaticanische Dogma von dem Universal-Episkopat und der Unfehlbarkeit des Papstes in seinem Verhältnis zum Neuen Testament und der patristischen Exegese. Bonn, 1871]. История отношений Фотия и папы Николая I мастерски изложена и в исследовании проф. прот. Иванцова-Платонова [К исследованиям о патр. Фотии (по поводу тысячелетия со времени его кончины). СПб., 1892. Сокращенный французский перевод этого сочинения напечатан А. А. Киреевым в Revue internat. de Théologie 1893 г. (Bern), стр. 654–669; 1894 г. стр. 80–107; стр. 253–258]. Особенно полно опровергаются римские притязания пап в известном сочинении Деллингера (в сотрудничестве Фридриха) [Das Papstthum. München, 1892].

их не санкционировал, объявив, что православные епископы оказались ложными свидетелями веры своих пасомых, а без такой санкции даже и постановления собора не имеют силы. Правда, австрийские славяне наполовину совращены в унию, и это несчастье едва ли исправимо.

Итак, папа требует от нас, по-видимому, очень немногого — *признания его главенства*; ни наши обряды, ни обычаи, ни даже наши права не будут де изменены или нарушены: все останется по-старому, по-прежнему.

А что же *догматы*? — спросим мы. Ведь все эти разные обряды, обычаи, все это дело не важное; все это имеет значение лишь второстепенное, относительное! Отчего же в энциклике нет ни слова о догматах? — упоминается лишь вскользь о доктрине Востока, которая признается столь древней, почтенной... Отчего же не разобраны ее отношения к доктрине Рима? Ни о *Filioque*, ни о непорочном или безгрешном зачатии Пресвятой Девы, ни об учении об индульгенциях, ни в особенности о непогрешимости папы *ex sese, non autem ex consensu Ecclesiae*², не говорится. Что же это значит? Должны ли мы будем и это все принять? Да ведь тогда изменится и вся наша вера, ибо с принятием догмата непогрешимости папы значительно изменяется и православное учение, а Церковь наша лишается свободы. Можно ли вести такое святое дело, как соединение Церквей, с помощью очевидной лжи!

Мы видим, что энциклика Льва XIII скрывает (и нужно сказать — с замечательною дипломатическою ловкостью) те обязанности, которые мы приняли бы на себя, если бы неосторожно согласились признать папу главою нашей Церкви. Он толкует нам о своей отеческой любви, о своем бескорыстии, он предлагает нам лишь *сыновнее подчинение*; на деле же выходит, что он предлагает нам худшее из всех рабств, рабство *нравственное*! Он не тело наше хочет поработить, но самую душу, которую он хочет лишить религиозной *свободы*, т. е. того, без чего она и жить не может, без чего не может существовать и Церковь, достойная сего высокого имени!

Но что же сулит нам папа Лев XIII за все эти, как оказывается, отнюдь не маловажные, а напротив, тяжелые, *непосильные жертвы*? Верно, очень много! Да, действительно очень много. По словам папы, Церковь наша возвеличится, просветится, нам облегчится спасение, могущество наше возрастет необычайно! Какое самомнение, *если только оно искренне*! Обещаний, действительно, много, но где же гарантия того, что папа их исполнит? Где доказательства того, что он *может* исполнить все, что обещает? *Никаких гарантий он не представляет, да и не может представить!* Если бы даже мы и захотели

продать папе свою веру, то *он* бы не мог уплатить нам обещанной цены, и предложенный им торг не мог бы состояться. Конечно, его сила еще велика, арсеналы его еще богаты, хотя средневековое оружие, в них сохраняемое, — сильно заржавело, так, например, философия — принята выделки Аквината, признаваемого официально руководителем римско-католических философов. Конечно, римско-католическая пропаганда ведется и донныне успешно, и средства ее, по-видимому, уменьшаются мало, она ведется умелыми руками; но все же силы Рима падают очевидно, в особенности во вражде с новыми порядками, вводимыми в Западной Европе. Порядкам этим и мы не сочувствуем. Мы не можем сочувствовать постепенному захвату государством прав Церкви, введению гражданского брака, секуляризации школы и всяким другим стеснениям Церкви миром, всяким захватам «кесарем» той области, которая принадлежит «Богу»; но ведь всему этому папа не в состоянии противиться и у себя на Западе. Ему наносят постоянные поражения даже там, где власть его еще недавно стояла так высоко: Италия отбирает у него его светские владения, во Франции Поль Бер изгоняет его из школы, на днях в Венгрии Векерле замещает его при совершении таинства брака. Где же его могущество, где же те средства, которые он предоставит нам, нашей Церкви, которые придадут нашей Церкви и силу, и блеск, и независимость? Правда, он может дать ей внешнее единство, в котором она, действительно, нуждается; но и это благо, несомненно великое, мы можем найти без его помощи *во Вселенских соборах*. Для этого нам не нужно продавать папе свою христианскую совесть.

Нет, не *мы* нуждаемся в помощи папы, а *он* в нашей; он видит оскудение своих сил на Западе, оскудение, которое и ставит его в необходимость разыскивать себе раба под видом союзника на Востоке. Лев XIII не упоминает, правда, о России; но не нужно быть слишком проникательным, чтобы понять, что именно Россию, именно нас, русских, он подразумевает в своих будущих восточных «чадах». Но если сам он не высказывается в этом отношении, то за него вполне откровенно говорят его агенты, его публицисты; те уже прямо заводят торг с царем; так, «*Moniteur de Rome*» говорит: «Уния с св. престолом была бы источником новой силы для империи Царя»*. Журнал «*Les Echos d'Orient*», рассуждая о том же, говорит, что «влияние России сразу поднялось бы до безграничности, если бы она вошла в великую католическую семью. Миллионы католиков протянули бы ей объятия, с восторгом, видя великого христианского императора шествующим рука об руку с первосвященником, заместителем Иисуса

* «L'union avec le S-t Siège serait une force nouvelle pour l'empire du Tsar».

Христа... Возвратились бы времена Карла Великого»... * Далее автор говорит о серьезном движении, которое будто бы происходит в этом направлении в России, и ссылается на «важные заявления профессора Соловьева» — *les déclarations si importantes du professeur Solovieff* (дело идет, конечно, о речи г-на Соловьева в Париже по поводу тулонских празднеств). В том же роде высказались и другие римские органы, и они с откровенностью раскрыли и те замыслы папы, о которых он сам, пожалуй, и не хотел бы особенно распространяться...

Нет; мы не пойдем на льстивые предложения его святейшества! Если бы мы паче чаяния поддались на его богословские аргументы, то у нас еще свежа в памяти вся многострадальная история Западной России, совращенной в унию, да и пример Червонной Руси у нас еще и теперь перед глазами...

Призыв Востока к соединению с Римом

Недавно появилась в немецких газетах, очень внимательно следящих за тем, что происходит на православном (бывшем нашем) Востоке, «новая энциклика папы Льва XIII», обращенная к римско-католическим епископам Греческого королевства. Он взывает к их усердию в деле распространения латинства, высказывает свою скорбь по случаю отпадения греков в схизму и выражает свою надежду на скорое их воссоединение с Римом, так как, в сущности (!), добавляет он, между обеими религиями (восточной и западной) разницы нет, а обряды, столь дорогие восточным христианам, могут остаться без изменения и после воссоединения с Римом! Так вкратце выражается его святейшество.

Нужно отдать справедливость римской иерархии; она зорко наблюдает за тем, что происходит на Востоке и пользуется всяким удобным случаем, в особенности всякой смутю, для того, чтобы расставить нам свои ловушки, свои крепкие сети! Известно, что по инициативе королевы греческой Ольги Константиновны Новый

* «L'immense surcroît d'influence qui serait acquis du coup à la Russie, si elle faisait partie de la grande famille catholique! des millions des catholiques lui tendraient les bras, ravis de voir un grand Empereur chrétien marcher la main dans la main avec le Pontife, vicaire de Jésus Christ... Les temps de Charlemagne seraient revenus».